

Петунин Константин Борисович

Petunin Konstantin Borisovich

аспирант Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета
имени И. Канта

PhD Student,
Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University

БРИТАНСКИЕ ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА 1930-Х ГГ. ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

BRITISH TANK TROOPS IN THE 1930S IN VIEWS OF THE SOVIET MILITARY AND TECHNICAL EXPERTS

Аннотация:

В статье проанализировано отражение состояния британских танковых войск в 1930-х гг. в отчетах советских военных и технических специалистов. Демонстрируются системные проблемы британской военной промышленности и танковых войск, сыгравшие свою роль при подготовке Великобритании ко Второй мировой войне. Сделан вывод о том, что именно особенности разработки и производства бронетехники в совокупности с ухудшившейся подготовкой личного состава привели к слабости британских бронированных войск на начальных этапах войны. Именно эти недостатки хорошо видны при изучении отчетов советских военных и технических специалистов. Работа построена на архивных материалах Российского государственного военного архива, Национального архива Великобритании, стенограммах заседаний британского парламента, произведениях отечественной и зарубежной научной литературы.

Ключевые слова:

Великобритания, вооруженные силы, танковые войска, 1930-е гг., межвоенный период, СССР, советские военные специалисты.

Summary:

The study examines the state of British tank troops in the 1930s reflected in the reports of the Soviet military and technical experts. The paper demonstrated the systemic problems of the British military industry and tank troops which played an important role in the preparation of the UK for the Second World War. The author concluded that the peculiarities of the development and production of armored vehicles along with the deteriorating training of personnel led to a weak position of the British armored forces in the early stages of the war. These shortcomings are evident when studying the reports of the Soviet military and technical experts. The research is based on the archival records of the Russian State Military Archives, the National Archives of Great Britain, transcripts of meetings of the British Parliament, domestic and international scientific literature.

Keywords:

Great Britain, armored forces, tank troops, 1930s, inter-war period, USSR, Soviet military experts.

Отечественные и британские историки единодушны во мнении, что начало Второй мировой войны было не самым успешным для британских танковых подразделений. Действительно, всю суть действий этого рода войск против немецких частей в 1940 г. описывает отрывок из мемуаров фельдмаршала Бернарда Монтгомери, командовавшего на тот момент 3-й пехотной дивизией, прикрывавшей стремительно отступающих союзников. «Где-то во Франции имелась одна армейская танковая бригада, подчиненная непосредственно главнокомандующему. Лично я не видел ни одного танка этой бригады ни зимой, ни во время активных боевых действий в мае. А ведь именно мы, англичане, изобрели танк и впервые в 1916 г. использовали его в бою, – с горечью замечает фельдмаршал, – к стыду, приходится признать, что мы послали нашу армию на эту самую современную войну с совершенно неадекватным вооружением и снаряжением, а потому должны винить только себя за те катастрофы, которые постигли нас на полях сражений в 1940 г., когда начались боевые действия. Кто должен нести за это ответственность?» – вопрошает Монтгомери. И тут же дает ответ: «По моему мнению, все сменявшие друг друга английские правительства в период между мировыми войнами, а особенно те, что руководили страной с 1932 г., когда заговорили о необходимости перевооружения армии на современной основе. До 1938 г. дальше обсуждений дело не шло, а в 1939 г. реформа армии все еще продвигалась черепашьями темпами» [1, с. 46]. Подобное отношение к вопросу было типично для упадка традиционной либеральной историографии и становления ортодоксальной школы, обозначившихся в 1940–1950-е гг., чему в немалой степени способствовал распад Британской империи. Для ортодоксальной школы, во многом сформировавшейся под влиянием трудов У. Черчилля и его единомышленников, было характерно крайне критическое отношение к политике С. Болдуина и Н. Чемберлена, в том числе в военной сфере.

Однако и более поздние историки придерживались похожего мнения. М. Харрис писал: «Ответственность за слабость британских бронированных войск в начале войны и в течение первого года должна лежать прежде всего на кабинете министров и его политике. Их действия стали

причиной позднего начала перевооружения армии, ее неадекватного финансирования, ограничительной политики в отношении доступа к промышленному потенциалу и отсутствия ясности в отношении стратегической роли армии» [2, р. 318].

На этом фоне интересно взглянуть на британские танковые войска 1930-х гг. глазами советских военных специалистов. Это позволит оценить то, как развивались английские бронированные войска и связанные с ними отрасли промышленности в предвоенное десятилетие. При этом не последнее значение в этой оценке играет тот факт, что советские военные и технические специалисты не только являлись представителями государства, активно создававшего в начале 1930-х гг. и развивавшего в дальнейшем свои танковые войска, но и были сторонними и совершенно непредвзятыми наблюдателями, оценивавшими британские бронированные соединения и все с ними связанное не только с точки зрения заимствования, но и как вероятного противника.

Факт, что советские военные специалисты всерьез рассматривали возможность военного конфликта с Великобританией, подтверждается тем, что в военно-аналитическом труде 1928 г. «Будущая война», созданном Разведывательным управлением Штаба РККА, наиболее вероятным и взятым за основу при подготовке вооруженных сил признавался вариант, при котором западные державы, включая Великобританию, в союзе с такими странами, как Польша и Румыния и при нейтралитете Германии, нападут на СССР [3, с. 56]. Кроме того, 30 марта 1930 г. профессор Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе А.А. Свечиным на имя К.К. Ворошилова была направлена записка, озаглавленная «Будущая война и наши военные задачи», в которой в качестве варианта № 1 указывалось нападение Франции, Великобритании, Польши и Румынии на Украину, Донецкий бассейн, Северный Кавказ и Закавказье, сопровождаемое десантами в Крыму [4, л. 2]. При этом британские военные и политики также не исключали возможность военного конфликта с СССР, особенно в районе советско-афганской границы, отмечая, что «пустынная местность как нельзя лучше подходит для действий механизированных соединений, поддерживаемых с воздуха» [5, р. 274]. Безусловно, при реализации этих сценариев советским военным пришлось бы столкнуться с английскими танками.

Можно сказать, что начало активного интереса к английским танковым войскам в СССР было положено 15 июня 1929 г., когда была принята программа механизации Красной армии, предусматривавшая к 1933 г. постановку на вооружение 3 500 танков для действующей армии и 2 000 для мобилизационного резерва [6, л. 204]. Однако быстро стало ясно, что в СССР отсутствуют готовые к производству модели танков, отвечавшие требованиям военных [7], а также необходимые для производства и разработки технические возможности и теоретический задел, в результате чего в 1930 г. из Советского Союза за рубеж была отправлена делегация Управления по механизации и моторизации, целью которой были поиск и закупка образцов бронетехники для их дальнейшего изучения и возможного производства в СССР [8]. Результатом работы этой делегации в числе прочего стала закупка в Великобритании легких и средних танков Vickers, а также танкеток Carden-Loyd. Кроме того, советским специалистам были продемонстрированы некоторые экспериментальные машины. При этом, если танкетки нашим военным понравились, то экспериментальный средний 12-тонный танк они посчитали маломощным и слабо бронированным, способным послужить лишь в качестве «донора идей» для других разработок. Также советских военных и инженеров не устроило то, что танк был оснащен двумя двигателями. Несмотря на заверения англичан в том, что это сделано для достижения большей надежности путем дублирования важных узлов, отечественные специалисты пришли к выводу, что в случае выхода одного двигателя из строя оставшийся будет не в состоянии обеспечить даже минимально приемлемую скорость и маневренность для боевой машины, а столь странная конструкция вызвана отсутствием у британцев достаточно мощного и надежного силового агрегата, подходящего для установки в танк [9, л. 207–208]. Что интересно, к такому же мнению по поводу разрабатываемого с 1925 г. среднего танка пришли и британские военные, отказавшись от его закупок [10, р. 148]. В результате фирме Vickers Limited / Vickers-Armstrongs [11] удалось продать лишь один экземпляр этой боевой машины в Свободное Ирландское государство и в Японию, где она послужила основой для целого ряда японских танков.

С этого момента в Великобритании началась активная работа советских военных и технических специалистов, направленная на изучение материально-технической базы Королевского танкового корпуса, методов применения танков англичанами, а также технологии производства бронетехники. При этом с самого начала изучения британской военной техники советские специалисты столкнулись со множеством технических проблем. Например, 21 и 30 декабря 1930 г. из СССР в Лондон были направлены телеграммы о том, что испытания первых трех образцов танка Vickers 6-тонный, в будущем ставшего Т-26, не удастся довести до конца по причине постоянных поломок [12, л. 25]. Среди описания неисправностей значилось: «В масляном баке по диаметру пробки вставлена трубка... для уменьшения разбрызгивания масла. Так как эта трубка не уменьшает, а

наоборот усиливает разбрызгивание масла, то ее не стоит ставить на наших машинах. Выбивание масла наблюдается также из верхнего отверстия маслоуказателя, расположенного в пробке масляного бака. Выбивание прекращается, если на нижнем конце маслоуказателя не ставить заглушки, а если она поставлена, то необходимо выбить ее. <...> На всех машинах выскакивает 3-я скорость. <...> Сегодня оборвался 3-й клапан, несмотря на то, что мы избегаем движения на скорости свыше 35 км/час... Всего лопнули 2-й всасывающий и 1-й выпускной клапан... Начали лопаться всасывающие трубки, стали давать большие трещины патрубки карбюратора... пробуксовка главного сцепления на всех трех машинах... Налицо крупный конструктивный недостаток – слабость сцепления... Узнайте у фирмы, что побудило ее выполнить сцепление шиворот-на-выворот, что не дает никаких преимуществ и приводит к печальным последствиям» [13, л. 26].

Однако даже в таком виде британская бронетехника вызывала интерес у отечественных специалистов. В 1932 г. помощник инспектора мотомехвойск РККА посетил Великобританию, где ознакомился с первым в истории по-настоящему надежным плавающим танком Vickers-Armstrongs. Эту машину, получившую обозначение Vickers-Carden-Loyd (A4), можно считать родоначальницей всех последующих танков-амфибий. Несмотря на ряд недостатков, включая тонкую броню, амфибия понравилась советским специалистам и была закуплена ими [14, л. 45], послужив базой для Т-33, ставшего первым советским плавающим танком хотя и не пошедшим в серию, но положившим начало всему семейству подобных машин в СССР 1930-х гг. [15]. Присутствовавший при сборке купленных образцов амфибии в 1933 г. советский военный специалист отмечал высокое качество элементов и узлов бронемшины, их тщательное и аккуратное изготовление, отсутствие проблем при сборке элементов, произведенных на разных заводах, высокий профессионализм и личную заинтересованность британских военных и технических специалистов [16, л. 94].

Ознакомились советские специалисты и с основным британским средним танком Vickers Medium Mk I / Mk II, «несшим службу» в британской армии вплоть до начала Второй мировой войны [17]. Несмотря на то что танк был описан ими как отлично сконструированный, обладающий безотказным двигателем, удобными приборами наблюдения, надежной подвеской и удачным размещением экипажа, начальник Управления моторизации и механизации РККА И.А. Халепский не считал нужным организацию производства Medium Mk I/II в СССР или его массовые закупки. Он характеризовал танк как колониальный, почеркнув, что он отлично подходит для этих целей [18, л. 213–214]. Кроме того, советские военные, несмотря на название, классифицировали танк как легкий [19, л. 186], что соответствовало изначальному позиционированию этого танка британской фирмой Vickers Limited, назвавшей экспериментальный образец этой машины Vickers Light [20].

Советские атташе проявляли живой интерес и к британскому опыту применения бронетехники. В 1932 г. в Великобритании на равнине Солсбери прошли масштабные учения с использованием танковых подразделений. Интересна оценка этих учений, данная советскими военными специалистами как сторонним наблюдателем и возможным противником. Из положительных моментов ими был отмечен высокий уровень радиосвязи, вплоть до взвода (так в СССР называли британскую секцию Королевского танкового корпуса). В докладе советские военные, сравнивая британские танковые войска и советские, писали: «Управление без радио никчемное. Нужно развивать радиосвязь до взвода. У англичан уже есть» [21, л. 264]. Также советские специалисты оценили хорошую надежность английской материальной части, несмотря на двухмесячную подготовку к учениям, в ходе которой танки активно эксплуатировались [22, л. 265]. Что касается недостатков, то в них советские военные записали неудачное расположение штаба, подвергающее его опасности захвата или уничтожения, что отчасти подтвердил ход учений, когда командование одного из батальонов было блокировано и пленено условным противником. Кроме того, слабым местом англичан явилась длительность принятия решений, достигавшая 25 минут, и плохая организация движения на марше к месту проведения маневров, в ходе которого гражданский транспорт затруднял перемещение танков, образуя заторы, недопустимые в военное время [23, л. 234–236]. Также советские аналитики раскритиковали длительные остановки в складках местности танковых групп во время атаки, что могло привести к их уничтожению гаубичной артиллерией [24, л. 257–258].

Что касается техники, то в СССР сделали следующие выводы: «Новый легкий 5-тонный танк полностью себя оправдал в тактическом и техническом отношении. Берется под сомнение средний танк ввиду своей сравнительной тихоходности. Танкетка Карден Лойда, занимавшая до сих пор место легкого танка, признается этому не соответствующей из-за невысокой скорости, слабости мотора и неудобства ведения огня» [25, л. 263]. В свою очередь начальник штаба Белорусского военного округа К.А. Мерецков крайне высоко оценил тактику британских танковых соединений, продемонстрированную ими на учениях 1932 г., отметив близость ее к тактике бронетанковых частей РККА, параллельно подчеркнув высокий уровень английских атак на противотанковые позиции, которым стоит поучиться нашим танкистам. Он писал: «До начала атаки с фронта необходимо разбить артиллерию противника и захватить тыл обороняющейся пехоты.

Это есть основа основ нашей глубокой тактики... Проведена атака артпозиций англичанами с величайшим искусством. Англичане вполне правильно и своевременно оценили, что артиллерия является серьезнейшим (*Подчеркнуто в оригинале.*) врагом танков в современном бою и на лучшее решение этой задачи танками обратили <в> последние годы исключительное внимание. Этому надо нашим танкистам и общевойсковым начальникам больше всего учиться. Последующий этап боя... проведен абсолютно правильно и делает оборону в этих условиях обреченной на полное (*Подчеркнуто в оригинале.*) поражение» [26, л. 266–268]. Это демонстрирует тот факт, что британские танковые соединения начала 1930-х гг. не только положительно оценивались своими военными и политиками, но также рассматривались как серьезный противник, в некоторых аспектах (таких как обслуживание материальной части и радиосвязь) превосходивший части РККА представителями динамично развивающихся советских танковых соединений, вооруженных к тому времени новыми танками БТ и Т-26 и активно проводивших масштабные учения.

В 1933 г. советским военным специалистам удалось посетить крупные британские предприятия, производящие бронетехнику или ее части, такие как Vickers-Armstrongs, Hadfield, Firth и др., а также ряд учебных заведений, готовящих технических специалистов. Ими были отмечены унификация производства, позволяющая по номеру детали заказать ее на любом профильном заводе, а также постоянная связь предприятий с Военным министерством [27, л. 98–99]. Отдельно отечественная делегация обратила внимание на ведущую роль инженера Джона Кардена в разработке и производстве новых образцов британской бронетехники и на тот факт, что английские инженеры не работают «в стол», разрабатывая интересные их проекты, а всегда выполняют заявку заказчика или рынка [28, л. 100]. Что касается состояния осммотренных предприятий, то советские специалисты доложили о том, что заводы испытывали постоянную нехватку государственных заказов, несмотря на сокращение рабочей недели, проводили еженедельные увольнения персонала и переходили на выпуск гражданской продукции. Все это приводило к устареванию производственных мощностей и запоздалому переходу на новые производственные циклы, такие как конвейерная сборка [29, л. 74–77]. Кроме того, приоритет, отдаваемый гражданской продукции, приводил к разработке и созданию основных агрегатов техники, таких как двигатель или трансмиссия для легких гражданских машин, и последующему проектированию военной техники исходя из возможностей этих агрегатов. Выживать стратегически значимым предприятиям помогали иностранные заказы [30, л. 78], в том числе из таких стран, как СССР, Китай, Польша, Япония, Сиам, Румыния, Дания, Голландия и др., куда поставлялись десятки единиц бронетехники, оружия и продавались лицензии на производство [31, col. 1186-7W]. Само британское оборудование, по сравнению с новым, поставленным и изготовленным в СССР, наши специалисты оценили как кустарное и устаревшее, что вызывало преобладание ручного труда, следствием которого являлись сильное замедление производства и удорожание конечного продукта по сравнению с США и Германией. Однако из-за крайне высокого мастерства работников изделия на этом оборудовании выходили лучшего качества, чем в СССР [32, л. 101]. При осмотре Политехникума автомобильных инженеров Великобритании советскими военными специалистами были сделаны следующие выводы: «Лаборатории по сравнению с нашими оборудованы весьма слабо с достаточно устаревлым оборудованием. Постановка учебы главным образом практическая на недостаточной математической базе. Высшей математики там не проходят» [33, л. 7].

Наблюдая за учениями британских танкистов в 1933 г., советские военные специалисты отметили нехватку техники, выразившуюся в том, что технические службы и офицерский состав следуют за танками на различных моделях машин, явно подобранных исходя из соображений наличия, а не специфики применения. При этом британские танкисты показали отличное знание материальной части и навыки вождения [34, л. 103–104]. Неоценимую помощь в вождении им оказал компас с возможностью нанесения отметок на карту в автоматическом режиме, облегчающий вождение, особенно ночью. Данный компас был признан крайне полезным и необходимым танкистам в СССР [35, л. 110].

Таким образом, британские танковые соединения первой половины 1930-х гг. оценивались советскими специалистами как высокопрофессиональные и хорошо подготовленные, имеющие на вооружении ряд образцов техники, недоступных танкистам в СССР, и активно развивающие теорию бронированной войны. Заместитель народного комиссара обороны СССР М.Н. Тухачевский посвятил британскому военному теоретику, активно работавшему над развитием танковых войск, Дж. Фуллеру целую главу «Теория механизированной войны Фуллера» в своей монографии «Моторизация и механизация армий и война», где, несмотря на критику ряда моментов в теории англичанина, не мог не упомянуть, что «инициатива здесь [в вопросе теории бронированной войны] несомненно принадлежит английскому генералу Джону Фуллеру. По нему в том или ином варианте равняются все более или менее передовые фигуры военно-теоретического мира современного империализма (Сект в Германии, Аллео во Франции и др.)» [36, с. 107], а также

высоко оценивал британские военные уставы, замечая, что «большинство уставов империалистических армий (за исключением английских) пока отражают взгляды, не принимающие в расчет условий мотомеханизированной войны» [37, с. 182]. Сами же английские танки, несмотря на ряд недостатков, в большинстве случаев также высоко оценивались отечественными военными и инженерами. Но при этом даже в начале 1930-х гг. сам производственный процесс, используемый в Великобритании, вызывал у советских специалистов ряд вопросов.

К середине 1930-х гг. интерес к британским танковым войскам в СССР заметно снизился. Получив образцы бронетехники и технологии из Великобритании и США, отечественная промышленность не только наладила выпуск собственной бронетехники, не уступающей по большинству параметров британским образцам, но и приступила к созданию своих образцов танков, превосходящих английские боевые машины. В то время как британская промышленность не справилась с созданием среднего танка, отвечавшего запросам военных, в СССР был спроектирован Т-28. Начавший выпускаться в 1933 г., этот средний многобашенный танк быстро преодолел свои «детские болезни» и к 1936 г. производился в количестве более 100 штук в год [38, с. 23]. При этом продолжался массовый выпуск танков Т-26 и БТ. О таких темпах английские предприятия могли только мечтать. И вот в 1937 г. уже британские военные в лице помощника директора по механизации армии и будущего командующего британскими танковыми войсками Ж. Мартеля сетовали на полный провал попыток создать средний танк и заявляли о том, что «вероятно лучший экспериментальный средний танк в мире» был создан в СССР, обвиняя советских разработчиков в воровстве концепции этой машины у инженеров Соединенного Королевства [39; 40, р. 293]. Неудивительно, что в этих условиях упоминания о британских танковых войсках практически исчезают из отечественных военных отчетов. Остаются лишь сухие цифры общего количества танков и схемы организационно-штатной структуры, часто заимствованные из ежегодных отчетов Лиги Наций.

Интерес к английским танкистам в СССР возвращается лишь в преддверии Второй мировой войны. Британские танковые войска, несмотря на активное перевооружение и модернизацию, проводимую в конце 1930-х гг., оцениваются советскими военными специалистами уже несколько иначе. Показателен отчет советского военного атташе в Великобритании комбрига И.И. Черния, посетившего за два месяца до начала войны 3-й тяжелый танковый батальон из состава 1-й танковой дивизии, расквартированный в Ворминстре. К этому времени британские военные уже четко понимали, что страна и армия вошли в угрожаемый период [41], о чем свидетельствует тот факт, что еще в апреле 1939 г. британское правительство объявило первый в истории призыв в мирное время [42, р. 359], а английские войска проводили активные мероприятия по маскировке расположений войск, ангаров, баз хранения, складов оружия, боеприпасов и запасных частей [43, л. 177]. Таким образом, посещаемый советским военным атташе батальон не только входил в самое хорошо вооруженное бронированное соединение британской армии, первым получавшее новые образцы техники, но и представлял собой часть Королевского бронетанкового корпуса, обязанную быть готовой к началу боевых действий.

Согласно отчету, на вооружении 3-го тяжелого танкового батальона состояло 49 танков. Сам батальон состоял из трех рот, каждая из которых состояла из пяти секций. В каждой роте было по 16 танков. Один танк был командирской модификации и предназначался для командира батальона. Несмотря на название, батальон имел на вооружении четыре типа танков и был смешанным. Причем смешанными были и роты. Подразделения имели на вооружении новый крейсерский танк А13, новый легкий танк Light Mk VI В, а также морально и физически устаревшие Medium Mk II и легкие танки Light Mk IV. В конструкции А13 атташе особо отметил установленные мортирки для метания дымовых гранат [44; 45, л. 189]. При этом новые танки только поступали в батальон и осваивались экипажами. В расположении подразделения находился большой учебный центр, предназначенный для тренировок личного состава территориальной армии, с хорошими условиями проживания, однако почти полным отсутствием учебного оборудования в классах. Несмотря на явно обозначенный угрожаемый период, оптические приборы были демонтированы с новых танков и отправлены на склад. Как пояснил командир батальона подполковник Гросс, нежное и дорогое оборудование хранилось на складе во избежание порчи танкистами и должно было выдаваться в случае начала войны. Кроме того, в целях сохранения моторесурса новых танков и экономии горючего обучение в большинстве случаев проходило на старых танкетках. На этом фоне командир батальона проявил вопиющее незнание материальной части и расположения подразделения [46]. Аналогичное незнание конструкции бронетехники проявили и другие офицеры-танкисты. Получив вопрос технического порядка, они путались и были вынуждены звать подчиненных для дачи точного ответа. При этом у офицеров было много свободного времени, каковое они занимали азартными играми и употреблением алкоголя, которые начинались еще в обед. «Пьют даже больше, чем офицерский состав ВВС» [47, л. 192], – с удивлением отметил Черний, бывший выходцем из авиации и отлично знавший, о чем говорит. Занятия с

офицерским составом проводились крайне редко и только по тактике с использованием карты, не выходя из класса. На вопрос о том, почему батальон называется тяжелым, в то время как на вооружении стоят легкие и средние танки, подполковник Гросс ответить затруднился, а при попытке узнать, сформирована ли 2-я танковая дивизия, решение о создании которой было принято в начале года, командир батальона уклонился от ответа [48, л. 193–194]. В отличие от начала 1930-х гг. советским военным атташе делается вывод, что перенимать у английских танкистов нечего, хотя в расположении войск чисто.

Из отчета советского военного атташе видно, что, несмотря на приближающуюся войну, в Королевском бронетанковом корпусе наблюдались нехватка новой техники, недостаточно высокий уровень подготовки и дисциплины офицерского состава, соседствующий с неуместной экономией, переходящей в «крохоборство». Также отчет подтверждает, что одним из основных танков даже тяжелого танкового батальона являлись легкие танки, новые модели которых только поступали в войска и осваивались в частях.

Таким образом, анализируя отражение в отчетах советских специалистов состояния британских танковых войск и производственной базы 1930-х гг., можно заметить изменение взглядов от заинтересованных и даже местами восторженных до весьма скептических. Безусловно, отчасти это связано с быстрым качественным и количественным развитием советских танковых войск и производственной базы, однако в большей степени это было продиктовано определенной деградацией британских бронированных соединений как в техническом плане, так и в сфере подготовки личного состава. При этом если проблема с подготовкой офицеров являлась давней бедой Военного министерства, хорошо отраженной в мемуарах Б. Монтгомери [49, с. 16–25], то глубокие системные проблемы в области производства и разработки бронетехники, отмеченные советскими специалистами еще в 1930–1933 гг., зачастую обходятся вниманием британских исследователей. Именно неспособность английской промышленности разработать приемлемый для военных средний танк и наладить массовое производство недорогих и высокотехнологичных танков за исключением легких [50] привела к тому, что во Вторую мировую войну британские танковые войска вступили с малым количеством современных боевых машин [51]. Это лишь отчасти можно списать на финансовую строгость Казначейства и позицию ряда британских правительств, взявших курс на экономию, а затем и умиротворение германского агрессора. В совокупности упавший уровень подготовки британских танкистов, а также наметившееся в начале 1930-х гг. и достигшее своего пика к 1939 г. технологическое отставание, отмеченное советскими военными и инженерами, в немалой мере предопределили череду поражений, понесенных английскими танковыми войсками в начале Второй мировой войны.

Ссылки и примечания:

1. Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. М., 2006. 384 с.
2. Harris J.P. Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939. Manchester, 1995. 342 p.
3. Будущая война / М.Н. Тухачевский, Я.К. Берзин, Я.М. Жигур, А.Н. Никонов // Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М., 1996.
4. РГВА. Ф. 22987. Оп. 3. Д. 347. Л. 2.
5. Defence of India, First Report of Sub-Committee 19th December, 1927 // National Archives of Great Britain, Public Record Office (NAGB PRO). CAB/24/192.
6. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 204.
7. К 1930 г. в СССР, по сути производился только один тип танков, танк – легкий Т-18, не отвечавший многим требованиям военных. См.: РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 211.
8. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 204.
9. Там же. Л. 207–208.
10. Larson R.H. The British Army and the Theory of Armored Warfare, 1918–1940. Newark, 1984.
11. В 1920-х гг. в литературе о производстве оружия и военной техники Vickers Limited иногда ошибочно называют Vickers-Armstrongs, однако Vickers Limited и Sir W. G. Armstrong Whitworth & Company объединились только в 1927 г. См.: Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920–1970. Cambridge, 2005. P. 37.
12. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 214. Л. 25.
13. Там же. Л. 26.
14. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 45.
15. Коломиец М.В. Танки-амфибии Т-37, Т-38, Т-40. М., 2003. 79 с.
16. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 94.
17. Duncan N.W. Mediums Marks I–III. Windsor, 1973.
18. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 22. Л. 213–214.
19. Там же. Л. 186.
20. Duncan N.W. Op. cit.
21. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140. Л. 264.
22. Там же. Л. 265.
23. Там же. Л. 234–236.
24. Там же. Л. 257–258.
25. Там же. Л. 263.
26. Там же. Л. 266–268.

27. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 98–99.
28. Там же. Л. 100.
29. Там же. Л. 74–77.
30. Там же. Л. 78.
31. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 16 Feb. 1933 Vol. 274.
32. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 101.
33. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 214. Л. 7.
34. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 103–104.
35. Там же. Л. 110.
36. ТАУ. Моторизация и механизация армий и война. М., 1933.
37. Там же. С. 182.
38. Коломиец М., Мощанский И. Средний танк Т-28. М., 2001.
39. Следует заметить, что Т-28 не являлся копией британского танка, подобно Т-26, а был полностью самостоятельной разработкой, объединенной с британским экспериментальным 16-тонным танком лишь общей концепцией среднего танка с одной основной орудийной башней и двумя пулеметными. При этом к концу 1930-х гг. эта концепция была признана ошибочной, а советско-финляндская война продемонстрировала недостаточность противопульного бронирования, что вызвало модернизацию ряда машин до версии Т-28Э путем установки дополнительных броневых экранов на ряде уязвимых мест танка. См.: Иринчев Б. Танки в Зимней войне. М., 2013. С. 179. К концу 1930-х гг. производство Т-28 в СССР сворачивалось, а на смену им приходили новые танки.
40. Martel G. Le Q. Mechanization // The Journal of the Royal United Service Institution. 1937. Vol. 82, no. 526. P. 280–302. <https://doi.org/10.1080/03071843709424911>.
41. Угрожаемый период – промежуток времени различной продолжительности, непосредственно предшествующий началу крупномасштабной (региональной) войны. Характеризуется крайним обострением противоречий между враждующими сторонами и используется ими для выхода из кризисного состояния или для завершения военных приготовлений. Временные рамки действия угрожающего периода охватывают в мирное время: период нарастания военной угрозы и период ее крайнего обострения – непосредственной угрозы агрессии. См.: Угрожаемый период [Электронный ресурс] // Министерство обороны РФ. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14024@morfDictionary> (дата обращения: 09.05.2018).
42. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C. C. 42 (39). 24 Apr. 1939 // NAGB PRO. CAB 23/99.
43. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 919. Л. 177.
44. Дымовые мортирки, предназначенные для постановки дымовой завесы путем отстрела дымовых гранат без покидания бронетехники, на данный момент являются штатным оборудованием всех танков и БМП, однако в конце 1930-х – начале 1940-х гг. это оборудование не устанавливалось на немецких танках, а на советских его не размещали до конца войны.
45. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 919. Л. 189.
46. По словам Черния, британский подполковник, говоря о двигателях бронемашин, ошибочно называл их воздушно-охлаждаемыми. Однако, после того как сам Гросс предлагал взглянуть на систему охлаждения, выяснилось, что она водяная. Также командир батальона часто путался в расположении части, приводя гостя не к тем дверям и подолгу стуча в них, после чего выяснял у подчиненных, что двери ведут не туда или давно закрыты и не используются.
47. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 919. Л. 192.
48. Там же. Л. 193–194.
49. Монтгомери Б. Указ. соч. С. 16–25.
50. При этом даже самые последние модели легких танков из имевшихся в войсках к марту 1939 г. признавались Имперским Генеральным штабом устаревшими и непригодными для боев. Помощник начальника Генштаба видел их лишь в роли разведывательных машин. См.: Tanks (Code 45(E)): Design and Production: Policy. 27 Mar. 1939 // NAGB PRO. WO 32/4445. P. 17.
51. К началу Второй мировой войны в британской армии насчитывалось 1002 легких танка Mk VI, 79 крейсерских танков Mk I и Mk II и 67 пехотных танков Mk I. Остальные боевые машины либо находились в стадии производства, либо даже условно не могли признаваться боееспособными. См.: Design and Production of British Tanks 1936 – June 1940. 30 Aug. 1939 // NAGB PRO. CAB 102/851. P. 76.

References:

- 'Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C. C. 42 (39)' 1939, NAGB PRO. CAB 23/99, 24 April.
Control systems engineering. Motorization and mechanization of armies and war 1933, Moscow, (in Russian).
 'Defence of India, First Report of Sub-Committee 19th December, 1927' 1927, *National Archives of Great Britain, Public Record Office (NAGB PRO). CAB/24/192*.
 'Design and Production of British Tanks 1936 – June 1940' 1939, NAGB PRO. CAB 102/851, 30 August, p. 76.
 Duncan, NW 1973, *Mediums Marks I–III*, Windsor.
 Edgerton, D 2005, *Warfare State: Britain, 1920–1970*, Cambridge, p. 37.
 Hansard. *Parliamentary Debates. House of Commons* 1933, 16 February, Vol. 274.
 Harris, JP 1995, *Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939*, Manchester, 342 p.
 Irincheev, B 2013, *Tanks in the Winter War*, Moscow, p. 179, (in Russian).
 Kolomiets, MV 2003, *T-37, T-38, and T-40 Amphibious Tanks*, Moscow, 79 p., (in Russian).
 Kolomiets, M & Moshchansky, I 2001, *Medium T-28 tank*, Moscow, (in Russian).
 Larson, RH 1984, *The British Army and the Theory of Armored Warfare, 1918–1940*, Newark.
 Martel, GLeQ 1937, 'Mechanization', *The Journal of the Royal United Service Institution*, Vol. 82, no. 526, pp. 280–302. <https://doi.org/10.1080/03071843709424911>.
 Montgomery, B 2006, *The Memoirs of Field-Marshal Montgomery*, Moscow, 384 p., (in Russian).
 'Tanks (Code 45(E)): Design and Production: Policy' 1939, NAGB PRO. WO 32/4445, 27 March, p. 17.
 Tukhachevsky, MN, Berzin, YaK, Zhigur, YaM & Nikonov, AN (eds.) 1996, 'The future war', *Antologiya otechestvennoy voyennoy mysli*, Book 11, Moscow, (in Russian).